

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

Новый Год
ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ, ИЛИ
"Долго и счастливо"
ОТМЕНЯЕТСЯ!

Екатерина Мордвинцева Новый год вверх тормашками, или Долго и счастливо отменяется

<https://litres.ru/74211442>

Аннотация

Она мечтала о новогоднем отпуске, а оказалась в ледниковом аду другого мира. Лера – не воин и не маг, а обычная девушка с непокорным характером и здравым смыслом из XXI века. Ее единственное оружие — умение не сдаваться. Чтобы спастись, ей придется вылечить детей сурового графа, предотвратить эпидемию с помощью кипячения воды и развязать политическую войну... рецептом варенья. Ее главная битва — не с мечами, а с чужими традициями и собственной тоской по дому.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1

Шум большого аэропорта всегда напоминает мне затяжной выдох какого-то механического гиганта. Гул голосов, скрежет колес по плитке, объявления диктора, в которых тонут слова. А еще запах — кофе, сладкой выпечки и легкой, почти осязаемой тоски ожидания. Сегодня, 24 декабря, все это ощущалось втройне.

Мы сидели в нашем островке спокойствия — кафе за живой изгородью из тощих фикусов, — и кипели не менее бурные страсти, чем на рейсах за стеной.

— Ну так что решать будем? — Маша от нетерпения дергала ногой под столом, выбивая дробь по моим нервам. Ее эспрессо остывал, забытый и одинокий.

Я отхлебнула латте, наслаждаясь его теплом. Атмосфера была правильной — предпраздничный хаос, друзья, смех. Но где-то на дне души копошился маленький, назойливый червячок беспокойства. Я списала его на предновогоднюю суету.

— Я бы с удовольствием дома осталась, — произнесла Крис своим вечно недовольным тоном и поставила чашку с капучино на блюдце с таким звонким чжиньком, будто объявляла минуту молчания.

Я не удержалась. Мой смех, громкий и залиvistый, как по команде, вырвался наружу и заставил пару за соседним

столиком обернуться.

— Кто бы сомневался! Тебя вечно никуда не вытащишь. Словно у тебя дома ждет не муж-красавец, а диван-обнимашка вселенской мощности.

Ее губы надулись в этакую обиженную бантик-розочку. Классика.

— Не правда! Просто я ценю уют. А не... эту вот, — она неопределенно махнула рукой в сторону шумящего терминала.

— Девчат, хватит! — Маша нахмурилась, как бульдог, взявший след. Она постучала длинным ногтем по экрану своего телефона, где дата «24 декабря» светилась обвиняюще. — До нового года осталась одна ночь! Если мы не хотим встретить его, жуя оливье перед телевизором в пижамах, надо поторопиться. И так уже вряд ли билеты куда-то найдем, что не может не огорчать.

— Это точно, — Инга вздохнула так глубоко, что это было похоже на пыхтение закипающего чайника. — И так уже неделю думаем. Результат — ноль. Я начинаю верить в теорию заговора туроператоров.

Маша обвела нас взглядом полководца, ведущего войско в последний и решительный бой.

— У кого какие предложения?

— Я на море хочу, к солнышку, — Женька закатила глаза так, будто уже видела перед собой пальмы. — Чтобы теплынь, море, коктейль с зонтиком...

— Размечталась! — Инга фыркнула, но уже листала что-то в телефоне. — Так... Спешу вас огорчить: максимум, куда нам светит, так это только на какую-нибудь базу отдыха в Подмоскovie с бассейном из арматуры. Что совсем не радует.

Я поправила свои непослушные рыжие локоны, которые так и норовили выбиться из хвоста.

— Не хочу я на базу отдыха! Скучно там, и ни о каком веселье не может быть и речи! Там же скучающие семьи и запах хлорки. Мы что, ради этого собрались?

— О! — Инга оживилась так, будто нашла алмаз в куче навоза. — Есть! Горящий тур! Последние три места. Вылет... сегодня ночью, в 01:30. И это отличная возможность сорвать куш!

— И куда? — Крис отодвинулась, давая официанту поставить перед ней салат. Аромат еды на секунду отвлек всех, кроме Инги, уткнувшейся в экран.

— Так куда? — Кристина повертела вилку, глядя на подругу.

— Потом сюрприз будет, — Инга подмигнула, и в ее глазах заплясали чертенята. — Цена просто смешная. Прямо «забрать и забыть».

— Нет-нет-нет! — Крис замотала головой. — Как минимум я должна знать, что с собой брать. Платица или пуховики?

Я не выдержала и снова рассмеялась.

— Трусики, бусики и денег побольше. Остальное — на месте докупим. Если, конечно, Инга везет нас не на Северный полюс.

— Ну я серьезно! — губы Крис снова сложились в обиженный бантик.

— Да ладно тебе, не кисни, — Инга наконец склонилась к нам и понизила голос до конспиративного шепота. — Маленький курортный городок на Красном море. Солнце, тепло, отель «три звезды» с полупансионом. Ну что, все согласны?

В глазах Маши вспыхнули огоньки, Женька уже мысленно намазывалась кремом от загара. Я почувствовала, как тот самый червячок беспокойства шевельнулся.

— Согласны или нет, возражения не принимаются! — провозгласила Маша и подняла чашку с остывшим чаем. — Празднуем новый год под яркими лучами чужого, но такого гостеприимного солнца! За новогоднее приключение!

— За лучший новый год! — Мы чокнулись чашками, и звук этот прозвучал слишком звонко, почти звеняще.

Я отпила латте и на секунду задержала взгляд на огромном темном окне. За ним, в ночи, медленно ползла, мигая огнями, какая-то машина. По спине пробежал холодок. Не предчувствие. Просто сквозняк. Наверняка сквозняк. Я отмахнулась от этой мысли и улыбнулась подругам. Приключение начинается.

Через несколько часов мы стояли в ярко освещенном зале вылета. Предпраздничная суматоха била через край. Я прислонилась к холодной колонне, наблюдая, как Маша пытается через видео-звонок поддержать Ингу. Та осталась в городе — работа, срочные документы, гад-босс. Классика.

— Я не понимаю, почему нельзя было дать тебе эти чертovy бумажки раньше? — возмущалась Маша, держа телефон так, чтобы в кадр попадали мы и часть хаоса вокруг.

Я поймала себя на мысли, что смотрю на экран с бегущей строкой рейсов. Наш номер еще не светился. Почему-то это казалось дурным знаком.

Голос Инги из телефона звучал устало:

— Да гад он просто, точка! Мне уже кажется, что он специально это сделал, чтобы праздник мне испортить. Из вредности, как песок в ботинок.

— Вот-вот! Я бы на твоём месте ему тоже настроение испортила, — попыталась шутить Варя, но шутка вышла плоской.

Я обернулась, ища в толпе остальных. Женька, Даша... А где Крис и Ольга? Тревога, тихая и настойчивая, начала подползать к горлу.

— Кстати, а где остальные? — спросила Инга, словно прочитав мои мысли. — У вас же скоро посадка!

Маша, нахмурившись, набрала номер Кристины. Длин-

ные гудки. Тишина. В воздухе повисло что-то неприятное, липкое.

— Ты чего такая? — Женя поставила свой розовый чемодан. — Будто пыльным мешком тебя огрели.

— Кристинка не отвечает, — голос Маши стал жестким, деловым. Она уже набирала Олю.

Мое сердце почему-то забилося чаще. Я достала телефон, будто могла помочь этим. Гудки казались бесконечными.

— Ну наконец-то! Не дозвонишься вам. Вы где? Скоро вылет! — Услышав ответ, я почувствовала, как земля слегка уходит из-под ног. Я побледнела, я это знала, потому что пальцы, сжимавшие телефон, стали ледяными. — Поняла...

Сбросив вызов, я посмотрела на подруг.

— Девчонки в аварию попали. Кристина с сотрясением, в больнице, Оля отделалась ушибами. Сказали, чтобы мы летели без них.

— Но как же? Надо к ним! — Это был порыв, инстинктивный и бесполезный. Я уже потянулась за рюкзаком.

— Они в порядке, ты все равно ничем не поможешь сейчас! — Маша перебила меня, и в ее голосе зазвучала сталь. Где-то объявили начало нашей посадки. — Идемте на регистрацию! Все остальное — потом.

Это было не по-человечески. Холодно и жестоко. Но я, стиснув зубы, потянула чемодан к стойке. Ощущение, что мир начинает медленно, но верно разъезжаться по швам, не покидало меня.

Потом была Даша. Бледная, как мел, у стойки. «Обокрали. Паспорт...» Маша рванулась к ней, но сотрудница аэропорта отсекала ее, как бетонная стена. «Проходите, не задерживайте».

Мы прошли. Оглядываясь. С чувством, похожим на предательство. Дашино лицо, маленькое и потерянное, осталось там, за стеклом, в другом мире, куда нам уже не было пути.

В салоне самолета было тихо, несмотря на гул двигателей. Мы молчали. Даша так и не появилась. Стюардессы показывали, как надевать спасательный жилет. Ирония судьбы была бы смешной, если бы не была такой горькой.

— Девушка, — услышала я голос Жени, — с нами должна была лететь еще одна подруга...

Ответ стюардессы был вежливым, гладким и совершенно бесчеловечным: «Она сможет вылететь другим рейсом, не переживайте».

Когда шасси с глухим стуком убрались, и земля окончательно уплыла из-под крыла, Маша прошипела в темноту иллюминатора:

— Одну работа загубила, двое в аварию попали, третью обокрали... В итоге вдвоем летим. Как будто это какая-то чертова шутка.

— Н-да... — я откинулась на сиденье, закрывая глаза. — Встретили новый год...

Самолет вошел в плотные облака. Вид исчез. Осталась только ровная, монотонная вибрация, укачивающая, как ко-

лыбельная перед бурей. Я не знала тогда, что это не конец нашей истории. Это было только предисловие. Предисловие к падению. А самое страшное — и самое нелепое — было еще впереди.

Глава 2

Дремота была тяжелой и липкой, как сироп. Я проваливалась в нее, укачиваемая монотонным гулом двигателей — звуком, который за несколько часов стал фоном, почти частью моего собственного тела. Я пыталась заглушить щемящее чувство, похожее на вину. Вину за то, что мы здесь, а они — там. Инга с ее бессрочными документами, Даша с пустыми карманами у стойки регистрации, Крис и Оля в холодном свете мигалок «скорой». Мы летели вразнобой, словно стая, которую шквальный ветер разметал по разным углам неба. Самолет должен был быть местом побега, предвкушения, но вместо этого он стал капсулой, вырывающей нас из общей реальности и уносящей куда-то в одиночество. Моя попытка списать все на совпадения и мелкие неудачи трещала по швам. Слишком много совпадений подряд. Слишком.

Женя уже спала, уткнувшись в подушку у окна, ее дыхание было ровным и безмятежным. Маша, напротив, не смыкала глаз. Она что-то неотрывно читала на планшете, ее лицо в темноте салона освещалось холодным, мертвенным синим светом экрана. Этот свет выхватывал резкие тени под ее глазами, делая выражение жестким, почти чужим. Она не читала, а впивалась в буквы, пытаясь зацепиться за что-то привычное, за доказательство, что мир еще подчиняется законам логики — расписаниям, инструкциям, правилам. Я по-

нимала ее. Я сама так делала, когда было страшно.

Именно в этот момент, когда мое сознание балансировало на грани сна и тревожной ясности, самолет дернулся.

Не резко. Не как удар. Скорее, это было похоже на то, как большая, тяжело груженная машина на полном ходу наезжает на неожиданный, скрытый под снегом лежащий полицейский. Глухой, утробный бум где-то внизу, под ногами. Едва заметное, но неприятное чувство провала в животе, будто на американских горках, только безо всякого веселья.

Я открыла глаза. Гул двигателей не изменился. Он остался все тем же монотонным фоном. Но что-то было не так. Это было не в ушах, а в костях. В вибрации кресла подомной. Бархатный, привычный рев за бортом словно провалился на тон ниже, обрел какую-то новую, гудящую, нездоровую глубину. Воздух в салоне стал другим — не спертым, а... густым. Тягучим. Как будто его стало больше на кубический сантиметр, и каждый вдох требовал чуть больше усилий.

Маша оторвалась от планшета, насторожившись, как зверь, уловивший первый, едва слышный треск ветки в лесу. Женя проснулась, моргнула, потянулась к стеклу, за которым кроме собственного отражения и тьмы ничего не было видно.

— Что это было? — пробормотала она, голос хриплый от сна. — Приземляемся?

— Турбулентность, — автоматически ответила я, и фраза

прозвучала настолько идиотски и необедительно, что мне самой захотелось засмеяться. Или закричать. Турбулентность не пахнет. А я вдруг отчетливо почувствовала запах. Нет, не запах — предчувствие запаха. Острый, металлический привкус страха на языке, как будто лизнула батарейку.

И тогда погас свет.

Не мигнув, не потускнев. Он просто исчез. Основное освещение салона умерло мгновенно, сдавшись без боя. На смену ему пришло другое — аварийная подсветка вдоль прохода и под потолком. Она залила пространство призрачным, неземным синим сиянием. Этот свет не освещал, он искажал. Он выхватывал из темноты куски лиц, руки, вцепившиеся в подлокотники, широко открытые глаза, и делал их чужими, слегка гротескными, как в плохом фильме ужасов. Резкие, прыгающие тени превращали знакомый салон в лабиринт из темных углов и внезапных провалов.

Тихий, сдавленный коллективный вздох пронесся по рядам — звук сотни легких, одновременно сжавшихся от непонимания. Кто-то нервно, истерично рассмеялся где-то сзади. Смех оборвался, не встретив поддержки, и повис в густом воздухе, жуткий и неуместный.

— Дамы и господа, это говорит ваш командир экипажа... — начал было голос из динамиков, привычный, профессионально-спокойный. Он был нашей последней ниточкой к нормальности. Но оборвался на полуслове. Резкий, пронзительный щелчок, похожий на звук переломившейся кости,

раздался где-то в системе. И за ним — не голос.

На смену ему пришел вой.

Нарастающий, оглушительный, всепоглощающий вой ветра, врывающегося куда-то с такой бешеной скоростью, что казалось, он сейчас сорвет обшивку. Это был звук разрыва, звук того, как что-то большое и прочное ломается. И он шел не только снаружи. Он шел изнутри — из динамиков, из вентиляции, из самых стен.

Давление.

Это было первое, что ударило по сознанию настоящим, физическим ударом. Не боль, а именно давление. Будто невидимый гигантский пресс, холодный и безжалостный, мягко, но неумолимо вдавил меня в кресло. Ребра сжались, грудь будто заковали в ледяной панцирь. Я попыталась вдохнуть, но воздух отказался входить. Он был тут, он давил на меня со всех сторон, но в легкие не поступал. Я судорожно, по-собачьи, рванула его носом, и он ворвался обжигаяще холодным, разреженным. Уши заложило с такой силой, что в висках застучала кровь — глухие, тяжелые удары, совпадающие с бешеным ритмом сердца. Звуки мира ушли, уступив место этому внутреннему гулу — гулу собственной паники, запертой в черепной коробке.

— Лера... — услышала я голос Маши, но он донесся будто через толщу воды, из другого измерения. Я повернула голову. Это движение потребовало невероятных усилий, будто я пыталась сдвинуть с места бетонную плиту. Ее лицо в си-

нем свете было искажено. Это была не просто гримаса ужаса. Это было полное, абсолютное исчезновение всего, что было в ней знакомого — решимости, контроля, иронии. Осталась только голая животная растерянность. Она что-то кричала, ее рот двигался, но я не слышала слов. Только тихий, далекий вопль, утонувший в новом РЕВЕ.

Рев был повсюду. Он заполнил собой все пространство, вытеснив мысль, вытеснив чувства. Он не просто звучал — он вибрировал. Вибрация проходила сквозь кресло в позвоночник, стучала в зубах, звенела в костях. Это была физическая сила, сотрясавшая весь корпус самолета. Он больше не летел — его мотало, швыряло, трясло, как щепку в стремнине. Я увидела, как у стюардессы, прижавшейся к стенке у служебного отсека, из рук выпал стакан. Он не упал — он завис в воздухе на долю секунды, а потом его швырнуло в потолок, и он разлетелся на осколки, которые тут же унесло невидимым потоком. Сама стюардесса, ее рот беззвучно открытый, глаза, полные неверия, казалась куклой, которую трясут в гигантской руке.

Потом пришел холод. Настоящий, пронзительный, полярный холод. Он не пришел из кондиционера. Он просочился сквозь обшивку, сквозь пластик иллюминаторов, сквозь ткань моего пуховика и свитера прямо в кожу, в мышцы, в кости. Он был таким резким, что перехватило дыхание. Я задрожала — мелкой, неконтролируемой дрожью, которая шла из самого центра, из солнечного сплетения. Это был не хо-

лод страха. Это был холод космоса, холод пустоты за бортом, внезапно ставший нашим личным достоянием.

И запахи. Они накрыли волной. Сначала — резкий, едкий, чистый запах озона, как после близкого разряда молнии, как в метро перед прибытием поезда, только в тысячу раз сильнее. От него свело нос и слезились глаза. Потом к нему, перебивая, примешался другой — сладковатый, тошнотворный, отвратительно-знакомый. Запах гари. Но не костра, а гари от электропроводки, расплавленной изоляции, перегревшегося пластика. Он заполнил салон за считанные секунды, въедаясь в одежду, в волосы, в легкие. Это был запах поломки. Катастрофической, необратимой поломки.

Самолет закачался. Не как корабль на волнах, а как раненый зверь, пытающийся вырваться из капкана. Рывок вверх — такой резкий, что у меня живот ушел куда-то в пятки, а тело на мгновение стало невесомым, оторвавшись от кресла, несмотря на ремни. Затем крен в сторону — плавный, ужасающий, бесконечный. Пол перестал быть полом. Он стал стеной. Я повисла на ремнях, вжавшись в боковую стенку кресла. Голова закружилась, в глазах помутнело. В проходе, который теперь был где-то сбоку и сверху, покатила отцепившаяся тележка. Она ударилась о спинки кресел, и из нее, как из рога изобилия, высыпались банки, маленькие бутылочки, упаковки с едой. Они застучали, запрыгали, превратившись в хаотичные, опасные снаряды. Звон бьющегося стекла где-то впереди слился с общим хаосом.

Звуки. Они вернулись, прорвавшись сквозь заложенность в ушах, но уже не как отдельные голоса, а как единый, многослойный вопль. Пронзительный, срывающийся на визг женский крик. Детский плач — не хныканье, а полное ужаса, захлебывающееся рыдание. Мужское, хриплое, отчаянное ругательство, вырвавшееся не для связки слов, а как последний выдох ярости и бессилия. Лязг, скрежет, треск — оркестр разрушения, дирижируемый силами, которым было плевать на наши билеты, наши планы, наше право на безопасный перелет.

Я не кричала. У меня не было на это воздуха, да и звук, казалось, застрял где-то глубоко в горле, сдавленный той самой ледяной глыбой страха, что выросла внутри. Я вцепилась в подлокотники так, что ногти, кажется, проткнули ткань и впились в жесткий пластик под ней. Мои глаза, против воли, снова нашли Машины. И тут я увидела не ужас. Ужас был у Жени, которая закрыла лицо руками. У Маши же в синем свете аварийных ламп я увидела леденящую, кристально ясную, почти спокойную понимание. Она смотрела на меня, и в ее взгляде не было вопроса. Был ответ. Тот самый, который мы оба так отчаянно пытались отогнать с самого аэропорта. Это понимание было страшнее любого крика, любого удара. Оно отняло последнюю надежду на то, что это просто «неполадка», которую «скоро починят».

Женя, не открывая глаз, нащупала мою руку и схватила ее. Ее пальцы были ледяными и скользкими от пота, но хват-

ка была железной, мертвой, как утопающего.

И тут... все замедлилось.

Казалось, прошла целая вечность. Рев отступил на второй план, превратившись в далекий, низкий гул, будто фон из другого помещения. Мои собственные мысли, оглушенные паникой, вдруг проступили наружу с нелепой четкостью. «Я не позвонила маме. Я сказала, позвоню после посадки. У меня в сумке недоеденный батончик. Какой идиотский последний прием пищи».

Я увидела, как по потолку, словно по экрану, побежали отражения мигающих красных огней — сигнал тревоги. Они рисовали на пластике абстрактные, зловещие узоры. Увидела лицо той самой стюардессы — молодое, гладкое, на котором макияж теперь выглядел жутким гримом. Ее глаза были неестественно широко открыты, в них застыл не страх, а какое-то пустое, техническое недоумение, будто она смотрела на сломавшийся сложный прибор и не могла найти инструкцию по ремонту. Увидела, как мужчина через ряд, с седыми висками и умным, усталым лицом, отчаянно, с перекошенным ртом тянется к кислородной маске, которая так и не выпала из панели над ним. Его пальцы скользят по гладкому пластику, не находя нужного.

Мысли исчезли. Остался только животный, первобытный ужас. Не эмоция, а физическое состояние. Холодный свинцовый шар внизу живота. Деревянные, не слушающиеся конечности. Сухость во рту, от которой язык прилипал к небу.

Все внутри сковало, сжало в один плотный, болезненный комок ожидания. Ожидания финала.

И он пришел.

Но не так, как я ожидала. Не удар, не взрыв, не огненный шар.

Сначала была вспышка.

Не ослепительная, не как в голливудских фильмах, где герой зажмуривается и падает. Скорее, это было похоже на то, как кто-то за иллюминатором, в самой гуще черной, ничего не значащей ночи, включил гигантскую, абсолютно беззвучную молнию. Или вспыхнул сваркой размером с мир. Весь мир за стеклом — вернее, то, что было видно в иллюминаторе напротив, — на одну невыносимо долгую долю секунды заполнился светом. Не желтым, не теплым. Ослепительно-белым, мертвенным, холодным. Он был настолько ярким и всепроникающим, что не было разницы, открыты глаза или закрыты. Он прожигал веки, отпечатываясь на сетчатке кроваво-красными, пляшущими пятнами и спиралями. Это был не свет солнца или лампы. Это был свет разрыва.

Вслед за светом, в унисон с ним, пришел удар.

Но не звуковой. Не взрывной волной, бьющей в тело. Это было иное. Пространственное. Будто сама ткань реальности, тот самый холст, на котором нарисованы самолеты, океаны, звезды и люди, содрогнулась, натянулась до предела и — порвалась. Резко, с визгом рвущейся плотной ткани, который я почувствовала, а не услышала.

Боль была мгновенной и всеобъемлющей. Острая, невыносимая, но странно чистая. Не от удара, а от растяжения. Будто каждую клетку моего тела одновременно сжали в тисках и растянули в разные стороны. Кости, кажется, затрещали. В ушах что-то лопнуло — не метафорически, а по-настоящему, с двумя тихими, влажными хлопками изнутри и ощущением внезапного, обильного тепла в слуховых проходах. И на смену всем звукам, гулу, крикам, пришла...

Тишина.

Она навалилась, как одеяло. Глубокая, абсолютная, оглушительная. В ней не было эха, не было отзвуков. Она была полным вакуумом. В этой тишине не стало гула, не стало криков. Не стало даже собственного сердцебиения. Была только пустота. Белый шум небытия.

И темнота.

Она пришла не извне, не потому, что погас свет. Она пришла изнутри, поднимаясь из самого чрева, из позвоночника, заливая мозг, как черные чернила. Мягкая, бархатистая, бездонная. Она не была страшной. Она была... милосердной. Она поглощала боль, поглощала холод, поглощала тот свинцовый шар страха в животе. Она просто накрыла меня с головой, без спроса, без предупреждения, как самая густая ночь, какая только может быть.

Последним, что успело просочиться сквозь наступающее ничто, были разрозненные, бессвязные ощущения. Медный, соленый вкус крови на губах — я, наверное, прикусила их.

Ощущение свободного, невесомого падения — будто кресло, привязные ремни, весь этот летящий, разваливающийся на части ад — все это вдруг исчезло, растворилось, и я осталась одна, падая в черную, беззвучную, бескрайнюю пустоту.

А потом не стало и этого. Не стало падения. Не стало тела. Не стало «я».

Был только тихий, окончательный щелчок сознания, гаснущего, как экран старого телевизора.

И точка.

Глава 3

Сознание вернулось не сразу. Оно подкрадывалось, как вор, крадучись по краям темноты. Сначала не было мысли, не было «я». Было только ощущение. Холод. Не тот пронзительный, искусственный холод самолета, а другой. Влажный, приземленный, обволакивающий. Он лежал на моих щеках, заполнял ноздри с каждым неглубоким вдохом, пробирался сквозь ткань куртки к коже.

Потом пришел звук. Вернее, его отсутствие. Та самая оглушительная тишина, что наступила после разрыва, но теперь она была наполнена... ничем. Ни гула, ни ветра, ни голосов. Только тихий, едва уловимый звон в ушах — собственный, внутренний шум моего организма, который казался теперь оглушительно громким на фоне всеобщего безмолвия.

Я открыла глаза.

Над ними было небо. Не черное, не ночное. Серое. Плотное, низкое, равномерное, как потолок из ваты. Из него медленно, лениво, падали снежинки. Они кружились в полной тишине, беззвучно садясь мне на лицо, ресницы, губы. Я лежала на спине. Не в кресле. Не в обломках. На чем-то холодном, твердом и слегка неровном.

Где стюардесса? Где Маша? Где Женя?

Мысль ударила, острая и ясная, пронзая туман в голове.

Я попыталась пошевелиться. Тело ответило волной глухой, разлитой боли. Не острой, а будто все меня побили большими, мягкими молотками. Каждый мускул, каждый сустав ныл и сопротивлялся. Я с трудом приподняла голову.

Я лежала на заснеженной поляне. Вокруг — редкие, голые, черные деревья, похожие на скрюченные пальцы, торчащие из белого покрывала. Снег лежал ровным, нетронутым слоем, кроме... кроме места, где была я. Я проделала в нем неглубокую борозду, как упавший мешок. Ни дыма. Ни обломков. Ни следов самолета. Никого.

Самолет.

Память нахлынула обрывками: синий свет, вой, давление, вспышка. А потом... пустота. Я судорожно села, и мир накренился, заплесал перед глазами. Тошнота подкатила к горлу горьким комом. Я отдышалась, упираясь руками в снег. Руки в тонких перчатках моментально промокли и заledenели. Холод, реальный и неоспоримый, начал проникать сквозь джинсы в колени.

— Маша? — мой голос прозвучал хрипло, слабо, и был тут же поглощен все той же давящей тишиной. — Жень! Отзовись!

Ничего. Только снег, падающий беззвучно. Я встала на ноги, пошатываясь, как пьяная. Голова кружилась. Я осмотрелась, поворачиваясь на месте. Поляна. Лес по краям. Серое небо. И все. Ни огней, ни дорог, ни звуков цивилизации. Даже птиц не было слышно.

Это сон. Это шок. Это где-то рядом авария, меня выбросило, спасатели уже едут.

Но рациональная часть мозга, та самая, что вела учет запасов и составляла планы, уже начала выдавать леденящие душу расчеты. Такое падение... выжить в одиночку, вылетев из самолета? Невозможно. А если и возможно, то где обломки? Где другие? Где хоть один признак катастрофы? Хотя бы запах гари?

Паника, сдерживаемая до сих пор шоком, начала подниматься, как вода в затопленном отсеке. Я заставила себя двигаться. Медленно, неуверенно, проваливаясь по щиколотку в снег, я пошла к краю поляны, к тем самым черным деревьям. Может, за ними? Может, они там?

— Маша! Женья! Эй! Кто-нибудь!

Мой крик становился громче, отчаяннее. Он разбивался о стволы деревьев и возвращался ко мне эхом, подчеркивая мое одиночество. Я бродила вдоль опушки, вглядываясь в серый полумрак леса. Ничего. Ни следов, ни обрывков ткани, ни кусков пластика. Снег был девственно чист, будто здесь не приземлялся/падал/происходил кошмар, а просто выпал за ночь.

Я начала замерзать. Холод пробирался сквозь пуховик, который внезапно показался тонким и бесполезным. Джинсы промокли до колен от снега. В кроссовках ноги уже неме-ли. Я остановилась, дрожа всем телом, и уже не от холода, а от нарастающей, всепоглощающей волны ужаса.

Я одна.

Мысль прозвучала в голове не как слова, а как физическое ощущение. Ощущение пустоты, вакуума вокруг. Все связи — с подругами, с домом, с миром, где есть аэропорты, телефоны, скорая помощь — были перерезаны. Оборваны. Я висела в этой тишине, в этом белом безмолвии, как единственная, никому не нужная точка.

Что делать? Куда идти? Я не знала, где нахожусь. Не могла быть даже уверена, что нахожусь там, где должна была быть. Тот белый свет, та боль растяжения... это было не из учебника по выживанию.

обхватила себя руками, пытаюсь согреться, и почувствовала, как по щекам текут слезы. Они были горячими на ледяной коже и тут же замерзали. Я плакала не от боли, а от бессилия и чудовищной, необъятной потерянности.

Соберись. Соберись, дура. Плакать будешь потом, когда замерзнешь насмерть в этом чертовом лесу.

Внутренний голос, похожий на голос Маши в ее самые решительные моменты, прозвучал резко и грубо. Он заставил меня вытереть лицо рукавом. Действовать. Надо действовать. Первое: укрытие, тепло. Второе: поиск признаков жизни, любых.

Я еще раз обвела взглядом поляну. И тут мой взгляд упал на собственные следы. Рядом с ними, в снегу, я заметила то, что пропустила в шоке. Небольшой, темный предмет. Я наклонилась, с трудом разгибая заоченевшие пальцы. Это бы-

ла моя собственная, маленькая дорожная сумка, которую я держала при себе в салоне. Она лежала рядом, будто ее аккуратно положили. Замок был расстегнут. Я открыла ее дрожащими руками. Внутри: помятая бутылка воды (полная), паспорт в пластиковом файле, кошелек, зарядка для телефона, пачка влажных салфеток и... новогодняя серпантинка, которую я сунула туда в аэропорту «для настроения». Абсурд.

Телефон. Я судорожно вытащила его. Экран был цел. Но на нем не горел значок сети. Вообще. Ни одной палочки. В правом верхнем углу красовался крестик над иконкой сигнала и пустая батарейка с красной полоской. 1%. Я попыталась включить вспышку, чтобы подать сигнал — телефон издал жалобный звук и погас. Окончательно.

Я чуть не швырнула его в снег, но вовремя остановилась. Вещь. Материальная вещь из другого мира. Я сунула его обратно в сумку вместе с паспортом. Документы. Удостоверение личности в мире, где, возможно, не было ни паспортных столов, ни самого понятия «гражданство РФ».

Я закинула сумку на плечо. Она была жалкой, ничтожной защитой от реальности, но это было мое. Единственная ниточка. Я решила идти вдоль опушки леса, надеясь выйти на тропу, дорожку, хоть на что-то. Шаги давались с трудом. Снег был глубоким, ноги тяжелели с каждой минутой. Дыхание стало частым, рваным, пар вырывался изо рта белыми клубами и тут же рассеивался.

Я шла, может, десять минут, может, час — время потеря-

ло смысл. Отчаяние сменялось приступами бешеной, иррациональной надежды («сейчас выйду на трассу!»), которая разбивалась о очередной поворот, открывающий лишь новые деревья и снег.

И вот, когда силы уже были на исходе, а мысли начали путаться от холода и усталости, я услышала звук.

Не голос. Не технический шум.

Хруст.

Четкий, негромкий хруст снега под чьей-то тяжелой поступью. Где-то сзади.

Я замерла, сердце врезалось в ребра. Спасатели? Местные?

Обернулась.

Из-за ствола большого дерева на краю поляны вышел... мужчина. Он был огромным. Не просто высоким, а широкоплечим, плотным, как медведь, вставший на задние лапы. Он был закутан в темную, потрепанную шкуру какого-то зверя, мехом наружу. На ногах — что-то вроде обмоток и грубых кожаных сапог. Лица почти не было видно из-под капюшона и намерзших сосулек на небритой, темной бороде. Но я увидела глаза. Светлые, почти белесые, как зимнее небо. И они смотрели на меня без тени удивления, без вопроса. С холодным, оценивающим, животным интересом.

Он не был спасателем. Он не выглядел как кто-то, кто что-то ищет.

Он выглядел как тот, кто нашел.

И в этих ледяных глазах не было ни капли человеческого тепла.

Мое первое, дикое, инстинктивное желание было закричать, побежать, объяснить. Но тело, переохлажденное и измученное, только дрожало мелкой дрожью. Я стояла, уставившись на него, как кролик на удава.

Он сделал шаг в мою сторону. Его сапог глухо провалился в снег. Звук был таким громким в тишине, будто хрустнула кость. Он не сказал ни слова. Просто смотрел. Изучал. Как странную, незваную диковинку, упавшую с серого неба на его территорию.

И тогда, поверх холода, поверх страха, пришло осознание, еще более жуткое, чем одиночество.

Одиночество кончилось.

Началось что-то другое.

Глава 4

Время замерло вместе со мной. Я стояла, впившись взглядом в эту фигуру, возникшую из тишины и снега, как самое естественное и самое жуткое продолжение этого пейзажа. Он не был дикарем из фильмов — грязным, с копьем и боевой раскраской. Нет. В нем было что-то древнее и основательное, как эти голые деревья или валуны под снегом.

Это был мужчина. Высокий, так что мне пришлось задрать голову. Широкие плечи отбрасывали тень даже в этот бессолнечный день. На нем был не просто плащ, а длинное, тяжелое одеяние из толстой, потертой кожи, подбитое по краям тусклым, сероватым мехом. Оно не сидело, как костюм, а висело на нем, как вторая шкура, покрытая налетом жира, снега и времени. Из-под капюшона, тоже обледеневшего по краям, виднелась нижняя часть лица: твердый, решительный подбородок, покрытый не буйной, а короткой, темной щетиной, будто он брился неделю назад и с тех пор ему было не до того. Губы — тонкие, сжатые в прямую, безразличную линию.

Но главное — не одежда, а лицо. Вернее, то, что на нем было написано. Я ждала злобы, подозрительности, агрессии. Но ничего этого не было. Была усталость. Глубокая, вьевавшаяся в кожу вокруг глаз, отягощавшая каждую черту. Усталость, которая старше гнева. Она лежала на его лице, как

пыль на забытой на полке вещи. И в обрамлении этой усталости — те самые глаза. Светло-серые, почти прозрачные, как лед на луже. Они смотрели на меня не как на человека. Как на явление. На проблему. На нелепый, выпавший с неба предмет, который теперь нужно как-то решать.

Его взгляд скользнул по мне сверху вниз, медленно, методично. Он изучал мой ярко-синий пуховик с заводским логотипом, застегнутый на все молнии. Задержался на джинсах, плотно облегающих ноги и уже промокших до колен от снега. Прошелся по моим кроссовкам — розовым, с белой подошвой, абсолютно беспомощным в этом сугробе. Ничто в его взгляде не выражало ни удивления, ни восхищения, ни даже презрения. Был холодный, почти клинический анализ: непригодно для сезона, непригодно для местности, странные материалы.

Он не двигался. Не приближался. Просто стоял и смотрел, давая мне время проникнуться всей нелепостью моего вида на фоне его практичной, грубой монументальности. Я чувствовала себя инопланетянкой в самом глупом мультфильме. У меня был пуховик, а у него — шкура. У меня были джинсы, а у него — толстые штаны из какой-то плотной ткани. У меня — сумка через плечо с серпантинкой внутри, у него... я не видела оружия, но ощущение было таким, что оно ему не нужно. Он и так был похож на оружие. На тупое, тяжелое, безотказное орудие выживания.

Я попыталась что-то сказать. Голос не послушался, выда-

вив из горла лишь хриплый, бессмысленный звук. Я сглотнула. Замерзшие губы плохо слушались.

— Я... — начала я по-русски, потом, отчаявшись, перешла на ломанный, панический английский. — Help. Plane. Crash. My friends... — я махнула рукой вокруг, показывая на пустую поляну. — You understand? Help?

Он даже бровью не повел. Словно я не говорила, а издавала шум ветра. Его взгляд наконец поднялся с моей одежды и встретился с моим. В этих ледяных глазах не было ни капли понимания. Только та же усталость и... догадка? Нет, скорее, подтверждение какой-то его внутренней теории. «Ага, и звуки странные издает. Еще одна странность. Все как я и думал».

Он глубоко, шумно вздохнул. Пар от его дыхания вырвался мощным облаком, намного больше моего. Это был вздох человека, которому и своих забот хватает, а тут еще и это.

Потом он медленно, не спеша, снял с головы капюшон.

Волосы были темными, коротко остриженными, кое-где тронутыми ранней сединой у висков. Лицо открылось полностью. Оно было жестким, с резкими скулами и глубокой складкой между бровей. Некрасивым. Но и не уродливым. Просто... высеченным из гранита нелегкой жизнью. Морщины у глаз говорили не о возрасте, а о привычке щуриться — то ли от ветра, то ли от солнца, то ли от постоянного всматривания в даль в поисках угрозы или добычи.

И все та же усталость. Она висела на нем, как его плащ.

Он что-то сказал. Голос был низким, хрипловатым, как скрежет камня о камень. Звуки языка были гортанными, отрывистыми, совершенно чужими. Ничего похожего на славянские, германские или романские языки, которые я хоть краем уха слышала. Это был набор звуков, лишенный для меня всякого смысла.

Я покачала головой, отчаянно, широко раскрыв глаза.

— Не понимаю. I don't understand. Parlez-vous français?
¿Habla español?

Он снова вздохнул, еще более тяжело. Выражение его лица ясно говорило: «Ну конечно. И говорить не может по-нормальному».

Он сделал шаг вперед. Один. Я инстинктивно отпрянула, поскользнулась на снегу и едва удержала равновесие. Страх, холодный и острый, наконец пробил ледяную скорлупу шока. Он видел это. И, кажется, это его лишь раздражало. Он жестом, резким и нетерпеливым, показал на себя, потом ткнул пальцем в сторону, откуда пришел — вглубь леса. Потом снова на меня и снова в ту сторону. Универсальный жест: «Ты. Со мной. Идем».

Я замотала головой.

— Нет. Я не пойду с тобой. Мне нужно... Мне нужно искать друзей. Меня должны искать, — бормотала я, понимая всю абсурдность своих слов в этой глуши. Я оглянулась на пустую поляну, как будто там могла материализоваться спасательная партия с вертолетами.

Когда я повернулась назад, он был уже гораздо ближе. Он двигался совершенно бесшумно для своего размера. Теперь я видела детали: потертую кожу плаща, завязки из сыромятной кожи, простую железную застежку на груди. И запах — смесь дыма, конского пота, древесной смолы и чего-то дикого, звериного.

Он протянул руку. Не чтобы ударить. Чтобы взять. Его рука в грубой кожаной рукавице была огромной. Он собирался просто взять меня за руку, как берут потерявшегося, непослушного ребенка.

И тут что-то во мне щелкнуло. Страх перешел в истерическую, отчаянную ярость. Нет, черт возьми. Нет! Я не пойду с этим молчаливым, усталым медведем в неизвестность! Я выжила в падении! Я должна найти своих!

— Не трогай меня! — я закричала и рванулась в сторону, пытаюсь оббежать его, назад к поляне, куда угодно.

Я сделала два шага по глубокому снегу. На третьем что-то железное и неумолимое сомкнулось на моем плече. Его рука. Он даже не побежал. Он просто сделал длинный шаг, дотянулся и схватил меня. Его хватка была такой, будто меня защемили в тисках. Больно. Унизительно.

Я завизжала, начала вырываться, бить свободной рукой по его руке, по груди. Мои удары об плащ звучали глухо, как удары по дереву. Он даже не шелохнулся. Он смотрел на мою истерику с тем же выражением глубокой, утомительной досады. Как на комара, который назойливо звенит.

Потом, одним движением, которое было ошеломляюще быстрым и легким для такого крупного мужчины, он перекинул меня через плечо.

Мир перевернулся. Я повисла вниз головой, животом на его плече, его кость больно впивалась мне в ребра. Сумка свалилась с моего плеча и упала в снег. Я увидела мелькающие под собой его сапоги, утопающие в снегу, запах дыма и кожи стал еще сильнее. Кровь прилила к голове.

— Пусти! Отпусти! Помогите! — я орала, колотя кулаками по его спине, по плащу, пинаясь ногами. Он игнорировал это совершенно. Он просто развернулся и зашагал обратно в лес, туда, откуда появился, неся меня, как трофей, как досадную, но принятую на себя обузу.

Я кричала, пока хватало дыхания. Кричала на пустоту, на немые деревья, на серое, равнодушное небо. Никто не ответил. Только его тяжелые, размеренные шаги, хруст снега и мое бессильное, перевернутое отчаяние.

Одиночество, оказалось, было не самым страшным. Страшнее было понимать, что твоя судьба теперь в руках того, кто смотрит на тебя не как на человека, а как на нелепую помеху, которую нужно убрать с дороги. И он убирал.

Глава 5

Все произошло не в одну секунду. Оно растянулось на целую вечность, наполненную ледяным воздухом, биением сердца в висках и медленным, ужасающим пониманием. Я стояла, и мое тело было полем боя между инстинктами. Один вопил, требуя лечь, свернуться калачиком и надеяться, что это кошмар. Другой, более древний и безжалостный, отдавал единственную команду: «БЕГИ».

Я выбрала бегство. И это было худшее решение в моей жизни, потому что оно показало мне всю глубину моего бессилия здесь, в этом тихом, белом аду.

Сначала это был просто импульс. Я оттолкнулась от земли, как спринтер, забыв, что подо мной не резиновая дорожка, а тридцать сантиметров рыхлого, предательского снега. Мой первый «шаг» превратился в прыжок-провал. Нога ушла в белизну по колено, тело рванулось вперед по инерции, и я едва не грохнулась лицом вниз. Я выдернула ногу с хлопаящим, неприличным звуком. Холод моментально обжал щиколотку сквозь мокрый носок и тонкую ткань джинсы.

Я не думала. Мысли были роем испуганных пчел. «Лесукрытьсяотсюдалесукрытьсяотсюда». Я просто делала то, что делала бы любая загнанная в угол тварь: пыталась увеличить дистанцию между собой и угрозой. Угрозой в виде это-

го молчаливого, усталого колосса.

Бег — это громко сказано. Это было ковыляние, спотыкание и падение. Каждый шаг давался с невероятным трудом. Снег был не пушистым и легким, а тяжелым, мокрым и коварным. Он хватал за ноги, цеплялся, замедлял. Мои легкие, не привыкшие к такому воздуху — разреженному, ледяному, — горели огнем. Я хрипела, и каждый вдох был похож на глоток лезвий. Я бежала, широко раскрыв рот, и слюна замерзала у меня в уголках губ.

Я не оглядывалась. Не могла. Вся моя энергия уходила на то, чтобы просто не упасть, не остановиться. Мозг рисовал страшные картинки: он уже настигает, его рука вот-вот сомкнется на моем капюшоне, он дышит мне в спину. Но сзади была тишина. Та же абсолютная, гнетущая тишина, что и до его появления. Ни тяжелого дыхания, ни хруста веток, ни окрика. Ничего. Это обманчивое безмолвие вселяло призрачную надежду: «Может, он остался? Может, ему стало лень? Может, он просто смотрит, как я удираю, и пожимает плечами?»

Я сделала, наверное, двадцать этих нелепых, выматывающих прыжков по сугробам. Уже начинала верить, что мне удалось оторваться. Что сейчас я выскочу на какую-нибудь тропинку, увижу дым из трубы, услышу лай собаки... Все что угодно, только не эту белую пустоту.

И тогда снег справа от меня взорвался.

Это не было похоже на звук. Это было чисто визуаль-

ное явление. Сухое, резкое «шурх!», и фонтан снежной пыли взметнулся в воздух на полметра, осыпая меня ледяной крошкой. Я инстинктивно дёрнулась влево, сердце ушло в пятки. И там — то же самое. Еще один взрыв белизны, еще одно облако кристаллов. Шурх! Чуть ближе.

Мой заторможенный мозг, наконец, прошило осознанием. Это не мираж. Это были шаги. Но не бег. Это были огромные, мощные, размашистые шаги. Он не бежал по моим следам, петляя, как я. Он просто шел напрямик, по диагонали, пересекая поляну, и его сапоги выбивали из снега эти короткие, яростные кратеры. Он не спешил. Он срезал угол. Как взрослый догоняет на пляже убегающего в истерике ребенка, которому кажется, что он очень быстрый.

Ужас, липкий и леденящий, сковал мне горло. Я закричала. Звук вырвался сам по себе — нечленораздельный, хриплый вопль полного, животного страха. Это был крик загнанного зверя, который понял, что загон — это и есть весь мир. И я, наконец, обернулась.

Он был уже близко. Совсем близко. Его огромная фигура, закутанная в темную кожу, казалась еще больше на фоне белого поля. Он не бежал. Он шел. Его походка была спокойной, почти неторопливой, но каждый его шаг покрывал ужасающее расстояние. Его лицо... Боже, его лицо. На нем не было ни гнева, ни злорадства. Не было даже привычной усталости. Была лишь абсолютная, отрешенная сосредоточенность. Такая, с какой хирург берет скальпель или плот-

ник заносит топор над колодой. Я была для него не врагом, не добычей. Я была задачей. Неудобной, крикливой, но решаемой. И он решал ее самым прямым и эффективным способом.

Этот взгляд выбил из-под ног последнюю почву. Я попыталась рвануть в сторону, в чащобу у опушки, но ноги, измученные холодом и паникой, спутались. Я споткнулась о собственную тень, о невидимый кочок под снегом и рухнула вперед. Падение было медленным и мучительным. Я вязла, как в трясине, пытаюсь выставить руки, и в итоге грохнулась в снег всем телом. Холод обжег открытые участки кожи на лице и запястьях, где перчатки отъехали. Я лежала, хватая ртом воздух, чувствуя, как снег тает подо мной, пропитывая одежду ледяной сыростью.

Над мной нависла тень. Она перекрыла серый свет неба. Я замерла, запрокинув голову. Он стоял, глядя на меня сверху вниз. В его позе не было ни угрозы, ни торжества. Была утомительная неизбежность, как у взрослого, которому приходится тащить домой упирающегося и ревущего трехлетку. Он не спешил. Давал мне время осознать тщетность сопротивления.

Потом он протянул руку. Не сжатый кулак. Не когтистая лапа. Просто раскрытую ладонь в грубой кожаной рукавице. Жест был на удивление... простым. Почти как «давай, вставай, хватит дурачиться». В этом не было злого умысла. В этом было спокойное превосходство, которое добивало силь-

нее любой агрессии.

И что-то во мне, уже почти сломленное, взбунтовалось против этой простоты, против этого немого приказа. Я не встала. Сидя в снегу, я замахнулась и изо всех сил швырнула в него горсть снега с землей. Комок размазался по его плащу на уровне пояса, оставив грязную, влажную полосу. Я сделала это с истеричным, бессильным гневом ребенка, который бросается игрушками.

Он даже не вздрогнул. Не отпрянул. Он просто посмотрел на пятно на своем плаще, потом перевел этот ледяной, оценивающий взгляд на меня. В его глазах мелькнуло что-то, что я прочитала как: «И это все? Серьезно?» Это было последней каплей.

Я закричала снова, уже слова, любые, какие приходили в голову — русские, английские, матерные, бессмысленные, все вместе, каша из отчаяния и ярости:

— Отстань! Уйди! Я не пойду! Я вызову полицию! У меня есть права! Меня ищут! Помогите! Кто-нибудь! — Я орала в немое, снежное пространство, в надежде, что где-то за деревьями притаилась группа туристов с рациями или отряд МЧС.

Он не шелохнулся, слушая этот поток бессвязного шума. Потом, когда мой крик начал сходиться на нет от нехватки воздуха, он глубоко, тяжело вздохнул. Этот вздох был громче моих воплей. В нем звучала вся вселенская усталость, вселенское «ну вот, опять». Это был звук человека, которому и

своих проблем хватает, а тут еще приходится разбираться с истеричной незнакомкой в странной одежде, говорящей на птичьем языке.

И тогда он наклонился.

Его движения не были резкими или агрессивными. Они были такими же методичными и экономичными, как все, что он делал. Он не бросился на меня. Он просто подошел ближе, наклонил корпус, и его огромные руки, закованные в кожу, нависли надо мной. В его действиях не было злобы. Была практика. Опыт обращения с чем-то хрупким, но опасным, вроде дикой кошки.

Я попыталась отползти, загребая снег локтями и пятками. Бесполезно. Он одним плавным движением подхватил меня. Одной рукой — под коленями, другой — под спину, чуть ниже лопаток. Его хватка была не жестокой, но абсолютно неоспоримой. Это был захват, который не оставлял вариантов. В нем не было боли, только непреложный факт: я поднята. Я обездвижена. Борьба окончена.

Я взвизгнула — коротко, отчаянно, от унижения больше, чем от страха. Это было не больно. Это было невыносимо стыдно. Я, взрослая женщина, пережившая падение с неба, была поднята с земли, как перышко, человеком, который даже не запыхался. Мои тщетные попытки бега, мои крики, моя жалкая снежка — все это было спектаклем для одного зрителя, который смотрел на него со снисходительным нетерпением.

И тут начался апофеоз моего унижения.

Он не понес меня на руках, как раненую или слабую. Нет. Он ловко, почти небрежно перекинул меня. Одно быстрое движение — и мир перевернулся, закрутился, смешался в калейдоскопе серого неба, черных веток и белого снега. У меня закружилась голова, желудок подкатил к горлу. Потом — жесткий, болезненный упор в солнечное сплетение. Его плечо. Костистое, твердое, как дубовая балка. Весь воздух с силой вылетел из легких с глухим, жалобным «у-уфф!», который прозвучал как точка в этой нелепой погоне.

Я повисла. Вниз головой. Животом на его плече. Мои руки беспомощно болтались у него за спиной, ноги свешивались спереди, и я отчаянно пыталась ими дергаться, но это лишь усиливало давление на ребра. Мой пуховик, ярко-синий и такой уместный в аэропорту, задрался, открыв поясницу и часть спины. Холодный воздух, а потом несколько ледяных капель, упавших с его плаща, коснулись кожи, заставив меня вздрогнуть. Я была полностью обездвижена и абсолютно уязвима. Как трофей. Как добыча. Но самое жуткое — как вещь. Неудобную, кривую, но подлежащую транспортировке вещь.

Первая реакция — панический, жгучий стыд, сменившийся новой, слепой волной ярости.

— Пусти! Сволочь! Ублюдок! Поставь меня! Я заору! — я закричала, но крик выходил сдавленным, хриплым, потому что его плечо давило на диафрагму, не давая набрать полную

грудь воздуха. Я затрепыхалась, забила кулаками по его спине, по толстой, пропитанной запахами коже плаща. Звук был глухой, бессмысленный, как стук в запертую дверь подвала. Я пинала его ногами, но мои кроссовки скользили по его толстым штанам, не причиняя ни малейшего дискомфорта.

Он даже не пошевелился. Не попытался меня удержать сильнее или шлепнуть, чтобы успокоить. Он просто принял это как данность — как неизбежный шум, сопутствующий транспортировке проблемного груза. Он даже не сбавил шаг. Просто развернулся и зашагал назад, туда, откуда пришел. Спокойно. Ровно. Как будто возвращался домой с полной котомкой грибов, а не с выжившей из авиакатастрофы женщиной на плече.

Я кричала, пока хватало дыхания. Кричала в пустоту леса, в немое небо, в его непробиваемую спину. Я звала на помощь по-русски, по-английски, обещала миллион, угрожала интерполом. Мои слова тонули в гуще деревьев, растворялись в падающем снегу. Никто не отвечал. Только его тяжелые, размеренные шаги. Хруст-шуршание подкованных сапог по снегу. Ритмичное покачивание моего перевернутого мира.

Я продолжала барахтаться, но с каждым его шагом силы уходили. Его походка была на удивление плавной для такого гиганта, но каждое движение отдавалось тупой, ноющей болью в ребрах, в которые упиралось его плечо. Дышать было трудно. Кровь прилила к голове, пульсируя в висках. Я виде-

ла, как подо мной проплывает земля: снег, промерзшая трава, корни деревьев, снова снег. Мир сузился до этого униженного ракурса — до земли в двух шагах от моего лица, до ритмичного раскачивания, до запаха.

Боже, этот запах. Он был повсюду. Запах старой, пропахшей дымом и потом кожи. Запах древесной смолы. Запах чего-то звериного, дикого, нестиранного. Запах жизни, совершенно чуждой моей, жизни, которая не знала дезодорантов, стиральных порошков и химчисток. Этот запах был таким же пленом, как и его руки.

Кричать стало бессмысленно. Деревья поглощали звук, да и кого я могла позвать? Медведей, которые, возможно, пахли так же? Других таких же молчаливых лесных жителей, для которых я была бы такой же диковинкой?

Я замолчала. Внезапно, как будто кто-то выключил звук. Слезы, горячие и горькие, потекли по моему лбу (потому что я висела вниз головой) и капали вниз, оставляя темные, быстро исчезающие дырки в снегу. Я смотрела на эти капли и чувствовала, как тают последние остатки контроля, последние крупницы той Валерии, что торговалась за шёлк на рынке и строила планы на курорте. Эта Валерия была здесь бесполезна. Ее правила, ее язык, ее уверенность — все это было смешным и ненужным в мире, где тебя могут взять и унести, как мешок, не сказав при этом ни слова.

А он просто нес. Его дыхание было ровным, глубоким и спокойным. Он даже не запыхался. Это окончательно доби-

ло меня. Он шагал по глубокому снегу, неся на плече больше шестидесяти килограммов живого, трепыхающегося веса, и ему было... легко. Неприлично, оскорбительно легко. Вся моя ярость, весь мой страх разбивались об эту невозмутимую физическую мощь.

И в этой новой, горькой тишине, под мерный, гипнотизирующий хруст его шагов, до меня наконец начало доходить жуткое спокойствие. Это не было нападением в привычном смысле. Не было злого умысла, похоти, желания причинить боль. Это было что-то более древнее и будничное. Как если бы лесник нашел на тропе раненую, незнакомую породу птицы, которая мечется и бьется. Он бы не стал ее мучить. Он бы, вздохнув, аккуратно, но твердо взял ее, чтобы отнести к себе, посмотреть, что с ней, и решить: выхаживать, выпустить подальше от дороги или... Но нет, я не давала себе думать о «или».

Я была той самой птицей. А его плечо — временной клеткой. И «дом» лесника, его сарай или изба, был где-то там, вглубь этого темнеющего, безмолвного леса. И что он решит, когда донесет меня туда, было абсолютной, ледящей душу загадкой. Но пока что он просто нес. А я висела вниз головой, слушая, как мои слезы падают в снег, и понимая, что мое падение, оказывается, еще не закончилось. Оно просто сменило направление.

Глава 6

Время в перевернутом мире потеряло всякий смысл. Оно измерялось не минутами, а шагами, болью в ребрах, каплями замерзающих слез и все глубже проникающим холодом, который пробивал даже жар унижения и страха. Деревья сливались в одно темное, проплывающее мимо пятно. Снег под ногами Дэриана (я мысленно уже окрестила его этим именем, потому что «он» звучало слишком близко для такой конкретной угрозы) то был рыхлым и глубоким, то утоптаным в подобие тропы.

Я перестала дергаться. Это было бессмысленно и отнимало последние силы, которые могли понадобиться для... для чего? Я не знала. Но инстинкт самосохранения, притихший, но не уснувший, шептал: «Экономь энергию. Наблюдай».

Я наблюдала. Ракурс, конечно, был чудовищным. Но я видела сапоги Дэриана — грубые, из толстой, местами потрескавшейся кожи, с какими-то простыми металлическими застегками. Видела, как он безошибочно выбирает путь, обходит завалы, переступает через упавшие стволы. Он знал эту местность наизусть. Его дыхание оставалось ровным, лишь чуть более шумным на подъемах. Он нес меня, как ношу, которая со временем стала частью его баланса — неудобной, но принятой.

И вот деревья начали редеть. Серый свет стал чуть ярче,

но не от солнца — небо по-прежнему было свинцовым одеялом, — а от отражения от чего-то большого и светлого. Понимались другие звуки. Не городские, не цивилизованные. Глухой, отдаленный лай собаки. Не тьяканье домашней болонки, а низкое, раскатистое «гав-гав», полное тоски и предупреждения. Потом — протяжный, жалобный скрип, как будто огромная, неухоженная дверь открывается на ржавых петлях.

Дэриан сделал последний шаг из чащи деревьев, и мир снова перевернулся. Вернее, я увидела его с нового ракурса, когда он наконец остановился и, без всяких церемоний, спустил меня с плеча на землю.

Я едва устояла на ногах. Кровь отхлынула от головы, мир заплесал, и я схватилась за его рукав, чтобы не рухнуть. Он не оттолкнул, но и не поддержал — просто позволил мне уцепиться, как путнику позволяют опереться на скалу, пока тот приходит в себя. Его лицо было непроницаемо.

И только когда мир перестал вращаться, я увидела, куда меня принесли.

Первое впечатление ударило по сознанию с почти физической силой. Это не было поместье. Это не было даже усадьбой в привычном смысле.

Передо мной возвышалось сооружение из темно-серого, почти черного камня. Оно не стремилось ввысь изящными башенками, а приземисто, угрюмо вросло в склон холма, словно пыталось спрятаться или защититься. Высокая, грубо

сложенная стена с прогнившей деревянной галереей навверху окружала внутренний двор. В стене были ворота — массивные, из черного дуба, окованные полосами грубого, покрытого рыжей ржавчиной железа. Одна створка была открыта, и из нее исходил тот самый скрип.

Это была крепость. Небольшая, полузаброшенная, но крепость. Та, что видала осады, зимы и безразличие хозяев. Никаких украшений, никаких изящных окон. Узкие, как бойницы, прорези в стенах на втором этаже. Черепица на островерхой крыше главного строения провалилась в нескольких местах, обнажив черные дыры, как выбитые зубы. Из одной из труб, сложенной из такого же серого камня, валил жидкий, тощий дымок, который тут же размазывался по низкому небу.

Запах. Он ударил в нос, перебивая даже лесные ароматы. Это была сложная, густая смесь. Сырости старых камней, пропитавшихся влагой за сотни зим. Дыма — но не ароматного каминного, а едкого, древесного, с примесью чего-то горелого, вроде тлеющей ветоши или жира. Запах навоза и мокрой шерсти доносился откуда-то справа, видимо, от хлебов. И над всем этим — тяжелый, несмываемый дух старости, бедности и забвения. Запах места, которое медленно, но верно сдается под натиском времени и небрежения.

«Концлагерь в стиле фэнтези», — пронеслось у меня в голове, и мысль была настолько точной и жуткой, что по коже побежали мурашки. Это не было домом. Это было убежи-

щем. Или тюрьмой.

Дэриан не дал мне времени на длительные размышления. Он слегка подтолкнул меня в спину — не грубо, но недвусмысленно — в сторону приоткрытых ворот. Его ладонь, даже через толстую ткань плаща и пуховика, ощущалась как железная плита.

Я сделала шаг, и ноги, онемевшие от холода и неудобной позы, подкосились. Я споткнулась о неровный камень порога. Дэриан поймал меня за локоть, не дав упасть, и почти втолкнул внутрь.

Двор. Он был вымощен тем же неровным камнем, занесенным грязным, подтаявшим снегом и чем-то темным и вязким — грязью, навозом, бог весть чем еще. Пространство было нешироким, замкнутым со всех сторон высокими стенами, отчего здесь казалось еще темнее и сырее, чем снаружи. В углах лежали кучи чего-то, прикрытые коркой снега — то ли мусор, то ли запасы. В другом углу стояла колода для рубки дров с воткнутым в нее топором, лезвие которого покрылось рыжими разводами ржавчины.

И люди. Вернее, тени людей. Из двери низкой, приземистой пристройки, откуда валил тот самый едкий дым, выглянуло лицо — старое, сморщенное, с белесыми, невидящими глазами. Старик что-то пробормотал на том же гортанном языке и скрылся. Из конюшни, если это была конюшня (запах говорил, что да), слышалось фыркание и стук копыт. И на крыльце главного строения — тяжелой дубовой двери

под каменным навесом — замерла фигура.

Женщина. Лет пятидесяти, может, больше. Сухая, прямая, как жердь. Лицо — высеченное из того же серого камня, что и стены, с тонкими, бескровными губами и острым, цепким взглядом маленьких, темных глаз. На ней было темное, простое шерстяное платье, поверх — грубый фартук, а на голове — белоснежный, накрахмаленный чепец, который выглядел на ее фоне верхом абсурдной, почти воинственной чистоты. Она стояла, сложив руки на животе, и смотрела. Не на Дэриана. На меня. Ее взгляд скользнул по моему сияющему синему пуховику, по мокрым, облепившим ноги джинсам, по моему, наверное, дикому, перекошенному от холода и страха лицу. В этом взгляде не было ни капли тепла, ни любопытства, ни даже отвращения. Была холодная, безжалостная оценка. Оценка обузы. Проблемы. Лишнего рта.

Дэриан что-то сказал ей, коротко и отрывисто. Его голос в стенах двора звучал глухо, но властно. Женщина кивнула, один раз, резко, как солдат, принимающий приказ. Ее губы сложились в еще более тонкую линию. Потом она бросила еще один взгляд на меня, повернулась и скрылась в темном проеме двери, оставив ее приоткрытой. Оттуда пахло тленами, вареной капустой и той же сыростью.

Дэриан снова подтолкнул меня — теперь к этой двери. Я шла, чувствуя, как на мне застывают десятки невидимых глаз из щелей, из-за ставень, из темноты служебных помещений. Здесь все знали друг друга, и здесь все были настороже. А я

была чужим, ярким, непонятным пятном, которое впустили внутрь крепостных стен.

Переступив порог, я попала в полумрак. Глазам нужно было время, чтобы привыкнуть. Воздух здесь был спертым, теплым в сравнении с улицей, но от этого не более приятным. Этот теплый воздух нес все те же запахи — копоти, старой древесины, немытого тела, кислых щей — но теперь они были сконцентрированы, как в плохо проветриваемом чулане.

Я стояла в просторном, но низком холле. Каменные стлы, огромная, почти потухшая печь-голландка в углу, от которой все же веяло скудным жаром. На стенах — потускневшие от времени и копоти гобелены с неразличимыми сюжетами, пара щитов и скрещенных над дверным проемом мечей, покрытых паутиной. Под ногами — грубо отесанные половицы, скрипящие при каждом шаге. Никакого света, кроме тусклого дня из маленьких окон и слабого огонька в глубине печи.

И тишина. Такая же глубокая, как в лесу, но теперь наполненная скрытым присутствием. Шорох мышей за плинтусом. Треск головешки в печи. Где-то в глубине дома — приглушенный, детский кашель.

Дэриан сбросил с себя плащ, повесив его на огромный, похожий на олений рог крюк у двери. Под плащом оказалась простая, грубая рубаша из небеленого льна и темные, плотные штаны, заправленные в высокие сапоги. Он выглядел еще более огромным и... обычным. Частью этого мрач-

ного места.

Он что-то крикнул в сторону темного коридора. Его голос прозвучал громко, повелительно, нарушив давящую тишину. Через мгновение из тьмы материализовалась та самая женщина в чепце, а за ней — девочка лет тринадцати, испуганная, тощая, в таком же темном платье и фартуке.

Дэриан указал на меня, потом на женщину, произнеся несколько фраз. Женщина — Аграфена, как я позже узнала — кивнула, и в ее глазах вспыхнуло что-то вроде мрачного удовлетворения. Она что-то отдала приказ девочке, та юркнула прочь, а Аграфена подошла ко мне и взяла меня за руку выше локтя. Ее пальцы были сухими и цепкими, как птичьи когти.

Дэриан взглянул на меня в последний раз. В его уставших глазах не было ни объяснений, ни утешений. Был лишь плоский, завершённый факт: он принес. Он сдал с рук на руки. Его часть работы закончена.

Он развернулся и скрылся в другом темном проеме, ведущем, видимо, в какие-то его личные покои или кабинет. Его шаги отдавались эхом по каменным полам и стихли.

Аграфена потянула меня за собой, в сторону, противоположную той, куда ушел Дэриан. В сторону, откуда пахло сыростью, мышами и долгим запустением. В сторону, где, как я понимала, находилось мое новое место. Не в светлых покоех. Не в теплой комнате у печи.

Меня вели вглубь этого каменного чрева, в его самые тем-

ные и неудобные углы. И я шла, потому что идти было некуда. Потому что за спиной были ворота, которые, я не сомневалась, теперь заперты. А впереди... впереди была лишь холодная, каменная реальность Серого Утеса. Концлагеря, ставшего моим новым домом. Или клеткой. Пока что разницы не было никакой.

Глава 7

Аграфена привела меня не в подвал, к счастью, но и не в комнату, которую можно было бы назвать человеческим жильем. Это была каморка под самой крышей, в дальнем конце длинного, пахнущего пылью и плесенью коридора. Комната была треугольной из-за ската, с маленьким замерзшим окошком, в которое едва просачивался серый свет. Стояла узкая железная кровать с тонким, плоским матрасом, накрытым грубым, колючим одеялом из некрашеной шерсти. На полу — доски, без ковра. У стены — сундук и тумбочка с жестяным тазом и кувшином для воды. Вода в кувшине, как я позже обнаружила, покрылась тонкой корочкой льда. Здесь было немногим теплее, чем на улице. Дышали, видимо, только стены, и то неохотно.

Аграфена молча указала на кровать, потом на сундук, жестом дав понять, что здесь мое место. Она вышла и вернулась через минуту со связкой темной, грубой ткани — простое платье, похожее на то, что носила она сама, только более поношенное, и чепец. Она бросила это на кровать, затем вытащила из кармана фартука кусок черствого хлеба и жесткий, соленый ломоть сыра, положив их на тумбочку. Ни тарелки, ни ножа. Еще один взгляд — оценивающий, безразличный — и она ушла, притворив за собой дверь. Я не слышала щелчка замка, но присутствие этого замка снаружи ощуща-

лось почти физически. Не запирали, но наблюдали.

Я осталась одна. В этой ледяной, немой каморке. Шок начал отступать, уступая место полной, всепоглощающей опустошенности. Я сидела на краю кровати, и одеяло кололо мне ладони. Я смотрела на свой синий пуховик, брошенный на сундук, на яркие розовые кроссовки, стоящие у двери — два кричащих пятна чужеродности в этом мире серости и выцветших красок. Я была экспонатом в музее упадка.

Я не плакала. Слез, казалось, больше не осталось. Была только тяжесть. Каменная глыба где-то под диафрагмой. Я съела хлеб и сыр, не ощущая вкуса, просто чтобы дать телу хоть какую-то энергию. Хлеб был твердым, его приходилось размачивать во рту, сыр оставлял на языке горьковато-соленое послевкусие. Это была еда заключенного. Или слуги.

Прошло несколько часов. Я слышала редкие шаги в коридоре, скрип половиц, чьи-то приглушенные голоса. Никто не заходил. Я сидела и слушала, как за окном медленно смеркается. Серость за стеклом сгущалась в чернильную тьму. Холод проникал все глубже. Я натянула на себя колючее одеяло, но оно почти не грело. Пришлось надеть поверх всего и это грубое платье — оно было тяжелым, неприятным на ощупь, пахло дымом и чем-то кислым. Но под ним и под собственными вещами было чуть теплее.

Я уже начала проваливаться в тяжелую, беспокойную дремоту, когда за дверью снова раздались шаги. Не легкие, как у Аграфены, и не тяжелые, как у Дэриана. Мерные, твердые.

Дверь открылась без стука.

В проеме стоял он. Теперь без плаща, в той же простой рубаше, засученной по локти, открывавшей мощные, покрытые шрамами и темными волосами предплечья. В руке он держал оловянную кружку, из которой валил пар. Он вошел, оглядел каморку одним быстрым, все замечающим взглядом — нетронутую одежду на сундуке, кроссовки у двери, меня, съездившуюся на кровати в его домотканом платье поверх моих вещей. Его лицо ничего не выразило.

Он протянул мне кружку. Я машинально взяла. Горячее. Обжигающе горячее. Внутри был какой-то темный, густой отвар, пахнувший травами, древесной корой и... медом? Слабо, но пахло. Я нерешительно отпила. На вкус это было странно, терпко-горьковато, но сладкий привкус меда делал это сносным. Теплота разлилась по желудку, и я невольно вздохнула.

Дэриан стоял, наблюдая, как я пью. Потом он сказал что-то. Одно слово, которое прозвучало как приказ. Он указал на меня, потом пальцем ткнул вниз, в пол, подразумевая, видимо, весь дом. Я не поняла, но кивнула, чтобы он продолжил. Он, кажется, оценил эту попытку.

Он повернулся к двери и жестом велел следовать. Я, все еще держа в руках кружку, как амулет, встала и пошла за ним.

Он провел меня по темному коридору, мимо двери, ведущей, судя по запахам, на кухню, в другую часть дома. Здесь

было чуть теплее, чувствовалось дыхание большой печи где-то рядом. Он остановился перед дверью, обитой войлоком, чтобы, видимо, сохранять тепло. Приоткрыл ее и втолкнул меня внутрь.

Комната была небольшой, но по сравнению с моей каморкой — почти роскошной. Здесь горел камин — не большой, но дающий живой, танцующий свет и настоящее тепло. У стены стояли две маленькие кровати с пологам из плотной ткани. На столе — оловянные кружки, деревянные миски, несколько потрепанных книг с толстыми кожаными переплетами. На полу — потертый, но настоящий ковер. Это было пространство, в котором жили дети. Но атмосфера была не детской.

Они сидели на ковре у камина. Двое. И смотрели на меня. Девочка. Лет семи, не больше. Тоненькая, как былинка, с бледным, почти прозрачным личиком и огромными, темными глазами, в которых застыл немой испуг. Ее светло-каштановые волосы были аккуратно заплетены в две тугие, не по-детски строгие косички. Она сидела, прижав к груди потрепанную куклу с вышитым лицом, и, кажется, даже не дышала. В ее позе не было детской расслабленности — одна сплошная готовность к бегству или к замиранию.

Мальчик. Младше, лет пяти. Он был чуть более... одичавшим. Темные, растрепанные волосы, серьезное личико, покрытое веснушками. Он не сидел, а скорее присел на корточках, как маленький зверь, готовый в любой момент сорваться

с места. Его глаза, такого же светлого, как у отца, серо-голубого оттенка, изучали меня без страха, но с глубоким, недетским недоверием. В руке он сжимал деревянную лошадку, вырезанную грубо, но с очевидной любовью.

Они не улыбнулись. Не побежали к отцу. Они просто смотрели. Как на диковинного зверя, завезенного из дальних стран. Или как на предвестника беды.

Дэриан что-то сказал им, голосом более мягким, чем я слышала до сих пор, но все же сдержанным, безласковым. Он произнес два имени, указывая на детей: «Садриана». Девочка чуть склонила голову. «Матиас». Мальчик лишь сузил глаза. Потом Дэриан повернулся ко мне. Он ткнул пальцем в свою грудь: «Дэриан». Потом указал на меня, ожидаясь подняв бровь.

Я поняла. «Валерия, — выдохнула я. — Лера».

Он кивнул, повторил что-то вроде «Валера», и звук этот на его языке показался странным и грубым. Потом он взял паузу, собираясь с мыслями, подбирая простые слова, которые, как он надеялся, я смогу понять. Он указал на детей, потом на меня, сделал жест, будто качает на руках, гладит по голове. Потом показал на окно, за которым была ночь и снег, провел рукой по полу, изобразив нечто долгое. И, наконец, ткнул пальцем в меня, потом — на дверь, и махнул рукой прочь, в сторону.

Он говорил медленно, отрывисто:

— Твоя. Работа. Нянька. — Он снова показал на детей.

— Сейчас... зима. — Он обнял себя, изобразил дрожь, указал на снег за окном. — Долгая. Ты... здесь. Работа. — Его взгляд стал жестче, врезаясь в меня. — Потом... весна. — Он сделал жест, будто что-то пробивается из земли. — Ты... уйдешь.

Он замолчал, дав мне переварить. «Нянька». «Зима». «Уйдешь».

Это был не просто набор слов. Это был договор. Приговор. Возможность. Угроза и шанс, слитые в одно.

Угроза была очевидна: «Работай, приглядывай за моими детьми всю эту долгую, страшную зиму. Иначе...» Он не договорил, но «иначе» висело в воздухе между нами, холодное, как лед на окне. Иначе что? Выбросят на мороз? Отдадут Аграфене? Превратят в настоящую служанку без всяких иллюзий?

Но был и шанс. Туманный, призрачный, но шанс. «Уйдешь». Весной. Куда? Он не сказал. Вероятно, сам не знал. Выгонит за ворота? Отведет куда-то? Даст хоть какой-то шанс найти своих или... просто убраться с глаз долой? Но это было потом. А сейчас — зима. И работа.

Я посмотрела на детей. На Садриану, которая, кажется, съежилась еще больше. На Матиаса, чей взгляд теперь стал откровенно враждебным. Нянька. Для этих двух маленьких призраков, которые явно боялись всего на свете, включая, а может, и в первую очередь, своего огромного, молчаливого отца.

Я перевела взгляд на Дэриана. Он ждал. В его усталых глазах не было места для торга или сантиментов. Был факт: он спас меня (или подобрал) от замерзания в лесу. Теперь я должна отработать кров и пищу. Примитивная, железная логика выживания.

Я медленно кивнула. Один раз. Не в знак согласия с его миром, а в знак того, что поняла правила игры. Пока что.

— Я поняла, — тихо сказала я. — Нянька. Зима.

Он, кажется, уловил тон, а не слова. Он кивнул в ответ — коротко, деловито. Его дело было сделано. Он что-то бросил детям на прощание, уже более резким тоном, видимо, велев слушаться. Потом развернулся и вышел, оставив меня наедине с двумя маленькими, молчаливыми сфинксами и потрескивающим огнем в камине.

Дверь закрылась. Тишина в комнате стала еще громче. Тепло от камина было почти осязаемым, но оно не могло растопить лед в воздухе между нами.

Садриана прижала куклу к лицу, прячась за ней. Матиас неотрывно смотрел на меня, сжимая в руке деревянную лошадку так, что его костяшки побелели.

Я осторожно, чтобы не спугнуть, сделала шаг вперед и медленно опустилась на корточки на некотором расстоянии от них, у края ковра. Я не знала, что сказать. «Привет» звучало бы идиотски. Я просто сидела, согревая озябшие руки у драгоценного тепла камина, и смотрела на огонь, давая им время привыкнуть к моему присутствию.

Я была нянькой. Заключение по контракту. Странной птицей в клетке, которой поручили присматривать за другими, более молодыми и хрупкими птицами. А весной... весной, может быть, клетку откроют. Или просто перенесут в другую. Но это было потом. Сейчас была зима. И тишина. И четыре пары глаз, полных страха и недоверия, в этой теплой, но безрадостной комнате.

Глава 8

Дэриан не стал ждать, пока я найду общий язык с его детьми — если это вообще было возможно. Он просто оставил нас в комнате, и эта тишина, наполненная треском поленьев и четырьмя парами недоверчивых глаз, оказалась пыткой хуже любой ругани.

Я просидела на краю ковра, не двигаясь, может, полчаса. Матиас первым не выдержал. Он молча встал, бросил на меня последний, колющий взгляд и скрылся за пологом своей кровати. Я слышала, как он возится там, что-то шуршит, бормочет что-то себе под нос на том же гортанном языке. Садриана продержалась дольше. Она смотрела на огонь, потом украдкой — на меня, снова на огонь. Потом, будто приняв какое-то внутреннее решение, поднялась с грацией маленькой фарфоровой куклы, держа свою тряпичную подружку в объятиях, и бесшумно ушла к своей кровати. Она не пожелала мне спокойной ночи. Она просто исчезла за плотной занавеской, отгородившись от мира, в который я так нелепо ворвалась.

Я осталась одна у камина. Огонь начал угасать, и комната медленно наполнялась движущимися тенями. Здесь было тепло. Невероятно, божественно тепло после ледяной каморки и промозглого двора. Искушение остаться тут, свернуться калачиком на ковре и провалиться в забытие было

почти непреодолимым. Но я не была здесь гостьей. Я была прислугой. Нянькой, которую терпят рядом с детьми, пока она полезна.

С тяжелым сердцем я поднялась, бросила последний взгляд на два затянутых пологом ложа, из-за которых не доносилось ни звука, и вышла в коридор. Темнота здесь была почти абсолютной. Я шла на ощупь, по памяти, боясь заблудиться в этом лабиринте из камня и скрипучего дерева. Холод встретил меня, как старый враг, как только я отошла от двери детской.

Моя каморка под крышей казалась теперь еще более враждебной. Кто-то, вероятно Аграфена, побывал здесь. На тумбочке стояла глиняная плошка с тлеющими углями — жалкая попытка обогреть пространство. От нее шел едкий дымок, но почти не было тепла. Рядом лежала еще одна порция хлеба и сыра и... свеча. Короткий, толстый огарок в простом железном подсвечнике. Роскошь. Я нашла в сундуке кремь и огниво (предметы, которые видела раньше только в музеях) и после нескольких неудачных попыток, обжигая пальцы, сумела зажечь фитиль. Маленькое, дрожащее пламя оживило комнату, отбросив на стены гигантские, пугающие тени.

Я заперла дверь на простой деревянный засов изнутри. Жалкая защита, но она давала иллюзию приватности. И только тогда, в свете этой одной свечи, в ледяном воздухе, пропитанном запахом дыма и отчаяния, меня накрыло.

Это не было истерикой. Не было громких рыданий. Это было тихое, глухое отчаяние, которое подкралось изнутри и сжало горло так, что я едва могла дышать. Оно подступило к глазам горячими, беззвучными слезами, которые текли сами по себе, без судорог, без всхлипываний. Я сидела на краю кровати, кутаясь в колючее одеяло, и смотрела, как слезы падают на грубую ткань платья, оставляя темные, быстро расплывающиеся пятна.

Мысли, которых я так яростно избегала, вырвались на свободу, роем жалких, беспомощных «что если».

Что если бы я настояла, чтобы Инга летела с нами? Что если бы мы не сели на этот самолет? Что если бы я осталась с Дашей? Что если бы...

Но все «что если» упирались в одно: я здесь. Одна. В мире, где нет телефонов, нет электричества, нет дорог, которые я знаю. В мире, где меня считают немой диковинкой и оценивают только с точки зрения полезности. В мире, где тепло — это привилегия, а не данность. Где безопасность зависит от настроения усталого гиганта и его каменноголовой экономки.

Я представила свою квартиру. Теплый пол под ногами, желтый свет торшера, ноутбук на диване, открытый чат с подругами, где мы скидываем смешные гифки и строим планы на выходные. Запах кофе из машины. Звук лифта в подъезде. Простые, обыденные вещи, которые сейчас казались недосяжимой роскошью, сказкой из другой жизни.

Я вспомнила мамин голос по телефону: «Ты там осторожнее, Ларочка». Осторожнее. Какой тут может быть осторожность, когда тебя швыряет между мирами, как щепку в водовороте?

Я плакала тихо, подавляя любые звуки, прикусывая губу до крови. Потому что здесь нельзя было показать слабость. Аграфена, с ее острым слухом и вечно недовольным выражением лица, могла быть где-то рядом. Дэриан, с его всевидящими ледяными глазами, мог решить, что я не справляюсь со своей единственной функцией — быть тихой и полезной. Даже дети... я не хотела, чтобы эти маленькие, испуганные создания слышали, как рыдает взрослая, которая должна, по идее, их утешать и защищать. Здесь не было места для моих слез. Они были непозволительной роскошью, признаком того, что я еще не смирилась. А смириться нужно было. И быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.